

Командировка «на северá» у Василия Шошина, корреспондента краевого радио, подходила к концу. Календарь досчитывал мартовские дни. Из Красноярска, где уже все одевались по-весеннему, Василий тоже прилетел в лёгкой куртке, в полуботинках, отчего вынужден был не ходить, а бегать по Дудинке. Здесь ещё стояли откровенно зимние морозы, веяние весны ощущалось разве что в спящей близне снегов под необычайно ярким солнцем, да и то его частенько затягивало «веянием» метелей.

Подмороженным выглядел и ход жизни северян. На нём почти не отражалась перестройка, бушевавшая на «материке». Василий побывал и на суглане (совещании) оленеводов Таймыра, и в школе-интернате у ребятишек, собранных со всей тундры, и на диковинной ферме, где надои молока от коров, не знающих пастбищ, вдвое превышали южные, и в местном этнографическом музее, полном заповорной экзотики. А в качестве завершающего «гвоздя» ему даже удалось взять интервью у «самого» Санникова, первого секретаря окружкама партии.

Василий уже спрятал блокнот в карман пиджака, упаковал в чехол микрофон и защёлкивал кнопки на футляре «Репортёра», когда его высокий собеседник, седоватый скуластый мужик, участливо спросил:

— Может, есть какие-то просьбы, проблемы?

Василий скромно пожал плечами:

— Да особых вроде нет, Алексей Петрович. Вот только пуржит третий день, и в Дудинку не ходят самолёты. Придётся ещё разок переночевать и с утрачка поездом пилить в Норильск, к аэропорту Алыкель. Там авиация понадежней.

Санников молча откинулся на спинку кресла, раздумчиво постучал пальцами по столу и, поглядев на светлеющее небо в окне, задал ещё вопрос:

— А если сегодня — прямо в Красноярск? Вы готовы?

— На оленях? — скептически усмехнулся Василий.

— Нет, на заполярном «Яке», на сороковом, — поддержал его тон хозяин кабинета. — Як-40 будет около пятнадцати пролетать с Диксона. Вообще-то он у нас не садится, но я могу попросить... по такому случаю. Вам три часа на сборы хватит?

— Да я бы хоть сейчас на борт, — обрадовался Василий неожиданной возможности. — Разве только в гастроном забегу, прихватчу каких-нибудь «даров Севера», обещал гостинцев дома и на работе...

— Тогда договорились. Детали утрясёте с моим помощником. Иван Михайлыч. Третий кабинет направо по коридору. Счастливого пути! — привстал «первый», подавая руку молодому журналисту.

Когда Василий, на бегу отметив командировку в приёмной у секретарши, явился к Ивану Михайловичу, энергичному лысоватому толстячку, тот уже был в курсе дела. Видимо, получил ЦУ по внутренней связи. Он предложил Василию присесть, а сам взялся за телефонную трубку и, накручивая диск, начал выдавать срочные звонки. Старался говорить намёками и обиняками, но всё же из реплик Василий понял, что речь идёт о его проблемах, в решении которых наметились какие-то шероховатости. Звонков было много. Наконец помощник положил, а точнее, бросил трубку на аппарат и, глядя в стол, подвёл итоги переговоров:

— С вылетом всё решено. Полтретьего за вами придёт машина к гостинице. Я сам провожу вас в порт и посажу в самолёт. А вот с лучшими «дарами Севера», простите, осечка. У рыбаков перебои в поставках сырья. Рыбозавод приостановлен на ремонт. В магазинах запасы иссякли. По

крайней мере, так докладывают завмаги. В наличии только обычные морепродукты, кое-какая речная рыба, ну и разная здешняя дичь — оленина, полярные куропатки...

— Спасибо, не беспокойтесь. Обойдёмся. К выезду я буду в гостинице. До встречи, — вежливо раскланялся Василий.

Выйдя на улицу, он почувствовал, что метель заметно утихомирилась. В мутной пелене, обнимавшей небо, обозначились бегущие облака, и между ними появились первые просветы. Надежда на сегодняшний вылет, прежде казавшаяся сомнительной, становилась вполне реальной. Это обрадовало Василия, и он, прежде чем обследовать ассортимент «даров природы» в ближайших торговых точках, решил забежать к сестре Маше, чтобы сообщить о возможном скором отбытии и, на всякий случай, попрощаться. Старшая сестра, как и он, родилась и выросла в далёкой подсаянской деревне Огнёвке, работала в колхозе, но потом окончила в райцентре курсы кройки и шитья и завербовалась на Север, в Дудинку, где и жила с мужем и тремя детьми уже много лет, став настоящей северянкой. Время приближалось к полудню, к обеденному перерыву, и сестра, работавшая в швейной мастерской, должна была находиться дома, тем более что накануне прихварывала и собиралась взять бюллетень.

Около заснеженного подъезда панельной пятиэтажки стояла, уткнувшись в комковатый сугроб, снегоуборочная машина с тёмно-зелёной будкой вместо кузова и таким сочетанием мехлопаты со щетинистым валом-ершом впереди. Василий вспомнил, что муж сестры Фёдор Березин, в прошлом огнёвский механик, теперь шоферил на некоем «шнекороторе» в «службе снегоборьбы» морского порта, принадлежащего Норилькомбинату, и подумал, что это, должно быть, он подрулил к дому на своём агрегате.

Догадка подтвердилась, едва Василий нажал на звонок знакомой квартиры. Дверь ему открыл сам ударник снегоборьбы. Он был в крытом полушубке и тёплых меховых сапогах. Видимо, только что появился в прихожей и ещё не успел раздеться.

— О-о, здорово, шуряк! Хороший гость всегда к обеду! — воскликнул Фёдор.

Из кухни, откуда слышалось шипение газовой плитки и скворчание какого-то жарева, тотчас выглянула сестра

Мария с ложкой в руках и также начала с гостеприимного предложения:

— Раздевайся, Вась, и подожди немного. Сѣдни мой хозяин пораньше подкатил, застал меня врасплох, но я моментом: рыбки поджарю на скорую руку, супец разогрею...

— Ой, нет, благодарствую, некогда. Я проститься пришёл, — и Василий пустился было выкладывать свои хлопоты, но как только коснулся проблем с гостинцами для семьи, для друзей, Фѣдор сразу всё понял и прервал его на полуслове:

— Да чо ты унижаешься, ходишь по этим чиновным коридорам? Чо они там могут со своими звонками? Самолѣтам графики ломать? Пошли со мной в народ, и всё решим без всяких столоначальников. А «трепотѣр» твой пока оставь. Мы, Машка, через часик будем! — крикнул он жене, уже выталкивая шурина в дверь и нахлобучивая шапку на ходу.

Машина, стоявшая у подъезда, действительно оказалась его «шнекоротором».

— Быстро в кабину! — скомандовал Фѣдор.

Василий невольно подчинился приказу бывшего сержанта срочной службы, сосватавшего его сестру. И когда, обежав будку сзади, вскочил на сиденье, командир уже был за рулѣм. Он тотчас запустил мотор, резко сдал назад, потом крутым виражом вывернул на дорогу, явно демонстрируя водительское мастерство, и машина, потряхивая подвешенным впереди «шнекоротором», запетляла по кривым улочкам города, меж высоких снежных забоев. В одном из глубинных переулков Фѣдор, не сбавляя скорости, подрулил к тѣмному башнеподобному дому в два этажа, дал по тормозам, выключил сцепление и сообщил соседу:

— Это «Восьмигранник», наш главный рыбный магазин, хотя и на отшибе. Видал?

Василий подался ближе к ветровому стеклу, и перед его глазами действительно предстало необычное деревянное строение — от заметѣнного снегом фундамента до высокой шатровой крыши. У него, сложенного не то из толстого бруса, не то из кантованного бревна, было не четыре стены, как обычно, и даже не пять, как, допустим, у пресловутого американского Пентагона, а целых восемь! И столько же углов. Прямо-таки макет полумистической древнеславянской звезды, только с углами, срезанными «заподлицо».

Ранее не встречавший подобного чуда-юда, Василий обратился к зятю вопросительный взгляд: мол, зачем же столько?

— Стал быть, лес такой приплавили когда-то с материка. Вот и пришлось плотникам кумекать, собирать из наличного. Тут же ни деревца кругом, одна тундра...

Фёдор ещё добавил что-то, но последние его слова заглушило шумное вращение «шнекоротора», запущенного им в работу. И следом, включив скорость, он двинул агрегат по касательной к заметённому метелями «Восьмиграннику», а потом вокруг него. От снежной струи, забившей в сторону, поднялся белый вихрь и почти напрочь запорошил стёкла кабины, так что Василий не сумел толком сосчитать, сколько кругов сделал Фёдор, огибая звездоподобный рыбный магазин богохранимой Дудинки, но их было, пожалуй, не меньше, чем граней. Притом с каждым заходом витки всё расширялись, а скорость «шнекоротора» всё возрастала, и снежный фонтан из-под него становился всё дальнобойнее. Наконец, описав контрольный круг, Фёдор остановил своё самоходное орудие снегоборьбы перед крутым дощатым крылечком с перилами и вырубил мотор.

— Иди за мной! — повелительно сказал он шурина, вручая ему холщовую котомку, вместимостью этак в полкуля, вынутую откуда-то из-за спинки сиденья. Затем откинул дверцу и выпрыгнул из кабины.

Василий покорно проделал то же самое и последовал за направляющим. В магазине с длинным, от стены до стены, прилавком, бóльшую часть которого занимали стеклянные витрины, никого не было, кроме двух продавщиц — полной женщины с рыжими косами, собранными на темени в корону, и молодой чернявой девицы с коротенькой стрижкой. Фёдор почти с порога громко поприветствовал их, как старый знакомый, и доложил:

— Я там, девки, сверхурочно подмёл круговую площадку, можете хоть танцевать. А пока отпустите северных гостинцев моему шурыку из края.

— Ещё бы знать, чего и сколько, — игриво пропела продавщица с мальчишеской причёской.

Она, сидя за прилавком, перебирала какие-то бумажки. Фёдор обернулся к Василию, стоявшему за спиной:

— Сиг? Чир? Муксун?

Василий растерялся от неожиданных вопросов, робко пожал плечами, зачем-то стянул с головы шапку и сбивчиво пробормотал:

— Ну, может, три, четыре...да любого, что есть.

— У нас, как в Греции, всё есть, — крикнул Фёдор и, видя смущение шурина, взял из его рук котомку, а вместе с нею и бразды правления.

— В общем, так: пойдём по списку, — начал он.

Рыжеволосая продавщица молчаливо удалилась за занавес, в подсобные помещения, а улыбчивая стриженная отодвинула бумаги и поднялась в ожидании заказа уважаемого покупателя.

— Первое: сижок, — продолжил Фёдор, — горячего копчения и холодного копчения, кэзэ по полтора. Так же и чирок, и муксунчик...

— Во что?

— Вот тара, — протянул Фёдор холщовый свёрток.

Молодая продавщица взяла мешок и тоже скрылась в подсобке.

В ожидании её возвращения Василий подошёл к витрине, надеясь по ценникам прикинуть примерную сумму, на которую потянет заказанная рыба, но, к своему удивлению, подобной там не обнаружил. Правда, выбор здешний был побогаче, нежели в магазинах на «материке», опустошённых перестройкой, но в общем-то знакомый по недавним застойным временам: от тихоокеанской селёдки и хека серебрястого до терпуга и камбалы. Из речных, енисейских рыб он заметил только щуку, окуня и ещё корюшку пряного посола.

Молодая продавщица появилась с пустыми руками, что встревожило было Василия, но она обратилась к нему с обычной улыбчивостью:

— Итого с вас...

Сумма оказалась вполне подъёмной. Василий зашуршал кредитками, начал рассчитывать. Фёдор, будто вспомнив о чём-то, тоже торопливо полез в карман и махнул продавщице:

— Да, ещё плюсом от меня пяток добрых муксунов, свежемороженных (пусть побалуует гостей строганинкой), и корюшки малосольной, что пахнет молодым огурчиком, вон то корытце.

— Не корытце, а упаковку, — фыркнула стриженная.

В эту минуту хлопнула дверь, и в магазин вошли новые покупатели — старуха в длинном пальто с песцовым воротником и мужик в ненецкой меховой малице. Продавщица, как бы между прочим, заметила Фёдору:

— Товар заберёте со двора.

Фёдор понимающе кивнул и, дёрнув шурика за рукав, направился к выходу.

— По коням! — дал он команду не то себе, не то пассажиру, усаживаясь за руль и включая зажигание.

Василий привычно повиновался боевитому водителю и занял своё место в кабине.

На прощальный, контрольный виток вокруг щедрого на завидные гостинцы «Восьмигранника» Фёдор вывел свой агрегат, уже не запуская «шнекоротора». На половине круга, где в дощатой загородке мелькнул служебный вход, снегоборец остановил машину, вылез из кабины и нырнул в воротца. А через минуту появился в них с мешком в руке, раздувшимся от «товара». Поднёс его к машине и поставил на сиденье рядом с Василием. При этом «посланец эфира» не просто отодвинулся, а, можно сказать, отпрянул в некотором страхе, ибо нежданый-негаданный гостинец пугал его своими габаритами.

— Ну вот тебе и дары Севера, полным черпаком. Блат выше наркома, как говорится, — удовлетворённо заключил Фёдор, когда, обогнув «шнекоротор», снова взялся за баранку. — Хотя, по совести, никакого блата, просто плата добром за добро. Народная дипломатия называется...

— Так-то оно так, да только с этими дарами, поди, и в самолёт не пустят, — поделился тревожными сомнениями Василий.

— Не тот случай, паря! Там и поболее спецгрузы берут, — ответил Фёдор со знанием дела, выходя на завершение прощального витка вокруг отзывчивого на добро «Восьмигранника», опоясанного сияющим, с продольными бороздками, кольцом, похожим на кольцо Сатурна.

По крайней мере, таким оно показалось Василию с высоты, когда он в три пополудни вознёсся на «Яке» над запыльным городком и отыскал глазами в иллюминаторе знакомый очажок «народной дипломатии».